

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Мисола

18+

Джавид Алакбарли

Жиголо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69295315

SelfPub; 2023

Аннотация

Эта абсолютно нереальная история приключилась в городе, в котором нередко несбыточное становится действительностью. Началась она со встречи молодого художника и преподавательницы университета. У любви с первого взгляда свои законы и свои непредсказуемые сценарии развития событий. Они сполна постигли их в истории своих отношений. Там, где накал чувств столь велик, что сжигает всё вокруг, не стоит ожидать счастливого конца. Но кто же нам гарантирует, что, когда мы произносим: «и жили они долго и счастливо», это не означает того, что жизнь их была безмерно скучна и убога. Их история любви завершилась расставанием. Но всё же судьба смогла подарить им ещё одну мимолётную встречу, поставившую окончательную точку в этой истории.

Джавид Алакбарли

Жиголо

Мы познакомились с ней на курсах по дайвингу. Попал я туда совершенно случайно. И связана была эта случайность с той безграничной скукой, что постоянно мучила меня на этом курорте. Как только нам объявили, что в качестве бонусов к нашей работе мы можем посетить одно бесплатное занятие по дайвингу, то я сразу же решил, что непременно это сделаю. Прежде всего потому, что за это не надо платить. А платить я не любил. Не потому, что я такой жадный по своей природе. Просто у меня почти никогда не было лишних денег, а признаваться в этом не очень-то и хотелось. К тому же я счёл, что дайвинг – это всё-таки хоть какое-то разнообразие в моих унылых буднях.

В настоящее время вся моя работа сводилась к тому, что на этом модном курорте, полном богатых и самодовольных индюков, я был официантом. И какие бы слова я не находил в своё оправдание, мне-то самому хорошо было известно, что настоящий мужчина никогда не пошёл бы работать официантом. Очевидно же, что альфа-самец не способен постоянно задавать совершенно посторонним людям, именующим себя здесь отдыхающими, дурацкие вопросы типа:

– Чего изволите, господа дорогие?

А без этого стандартного набора вопросов и без гранич-

ного желания угодить всем и вся какой же ты официант? Очевидно, что, занимая такую позицию, ты не можешь даже предположить, что когда-нибудь будешь претендовать на роль крутого мачо. Ведь ясно же, что отныне это просто невозможно. Ни в настоящем, ни в будущем. Словом, никогда. Вот и получается в результате, что здешний мой статус является чем-то, абсолютно не вписывающимся в кодекс чести настоящих мужчин. Так, наверное бы, сказал мой отец. Но у него, видимо, всегда был выбор. У меня его не было.

Я был обыкновенным студентом, постоянно нуждающимся в деньгах и явно не дотягивающим до статуса настоящего мужчины. То, что это абсолютно недостижимая для меня вершина, было очевидно с первого взгляда. Наверное, даже я сам с самого детства чётко осознавал всю глубину пропасти, лежащей между мною и идеальным образом настоящего мужчины. И, в силу многих причин, должен был воспринимать всё это, как некую неоспоримую истину. И смириться. Что я и делал.

Итак, всё начиналось весьма обыденно: у меня был выходной день, и я отправился на дайвинг. Кто же знал, что он может завершиться столь неожиданным образом? Но какие-то высшие и явно симпатизирующие мне силы приложили руку к тому, что, переступив порог этого дайвинг клуба, я оказался в водовороте совершенно непредсказуемых событий. Мне оставалось лишь плыть по течению. Просто потому, что так было удобно. А ещё, наверное, в силу того что энергетика

моя была на нуле, я был не способен сопротивляться той рутине, которая ежедневно опутывала моё сознание. Дайвинг же был хоть каким-то просветом во всём этом болоте уныния.

Как только мы все, по указанию нашего тренера, вошли в воду, то я сразу же понял, что это стоящее ровно напротив меня хрупкое существо страстно увлекается дайвингом. Вот и поставили нас в пару.

Опытного человека и абсолютно ничего не смыслящего во всём этом мальчишку. Меня поразило её личико фарфоровой куколки, огромные глаза и точёная фигурка. Какие-то магические флюиды, исходящие от неё, сразу же превратили меня в её послушного раба. Почему-то я решил, что мы, наверное, ровесники. Ну, может быть, она чуть-чуть помладше.

Всё, что происходило потом во время этих занятий, я не очень хорошо помню. Осталось лишь фантастическое ощущение того, что в воде можно было, якобы абсолютно случайно, касаться рук, а порой даже ног самого сказочного существа в мире. Она конечно же не была русалкой, но то, что вода была для неё родной стихией, было совершенно очевидно. Мне, как человеку выросшему на берегу Каспия, это очень импонировало. Когда занятия закончились, она задала мне вопрос, от которого мне почему-то сразу стало жарко.

– Ты не спешишь? Есть ещё время?

– Конечно есть. У меня же выходной.

– А ты разве работаешь здесь? Я думала, что ты просто художник, подрабатывающий детскими портретами.

– Да, я рисую. Но ещё и работаю. Официантом.

Через день. А если у меня выходной, то я обычно беру мольберт, усаживаюсь у моря и дожидаясь клиентов. Если их нет, то рисую море. Но, как правило, не бывает такого дня, чтобы туристы не предложили мне написать чей-то портрет. И ты права – это обычно детские портреты. Но мне как-то всё равно. Ведь и на них можно прилично заработать. Да, к тому же, и у официантов здесь неплохие чаевые. Так что, могу пригласить тебя в любой ресторан. А ты кем работаешь? Горничной?

– Да нет. Пока не работаю. Моя подружка обычно днём разрешает мне отдыхать в этих бунгало у воды. Если у тебя есть время, то мы можем поплыть туда.

Мы и поплыли. Почему-то у меня мелькнула дурацкая мысль, что же мы, насквозь промокшие, да ещё в плавках и купальнике, будем делать в этом бунгало. Но для меня это был всего лишь повод подольше побыть рядом с этой русалкой. Продлить удовольствие. И кто его знает, может быть, всё-таки мне удастся каким-то всё ещё не до конца понятным мне образом продолжить наше знакомство?

Здесь, на входе со стороны моря, оказался душ. Прямо на

открытом воздухе. Отгороженный со всех сторон, он стоял прямо у воды. Я подумал, что тот, кто проектировал это бунгало, принял очень правильное решение. Всё предусмотрел. Человек, подплывающий сюда со стороны моря, может вначале смыть с себя всю соль, а потом уже пойти отдыхать. Первым в душ пошёл я. Потом, обмотавшись полотенцем, прошёл в комнату. Был очень удивлён тем, что здесь, прямо в центре, располагалась огромная кровать. Я подумал, что это совершенно лишний предмет мебели в бунгало у воды. Но когда через несколько минут, она вышла из душа и начала мне что-то говорить, я тут же резко изменил своё мнение о том, что здесь есть что-то лишнее.

А потом просто наступил конец света. Исчезло всё, что нас окружало. Остались лишь мы, наша страсть и постоянный шум прибоя. Нормально соображать мы смогли лишь пару часов спустя. Выглядели же как настоящие сумасшедшие. Ну, как ещё могут выглядеть два человека с горящими глазами, запутавшиеся в белых простынях? Конечно, больше всего мы были похожи на пациентов дурдома.

А потом я просто лежал и смотрел на неё. Она же куда-то звонила и кому-то что-то поручала. Очень быстро нам принесли две футболки и пару шортиков. Вещи были из местного бутика. С бирками. Явно дорогие. Очевидно, что здесь, в столь престижном месте, других и не бывает. Я сразу же подумал, что, пожалуй, парочкой портретов мне за них едва ли удастся расплатиться.

Тут я и вспомнил о том любителе морских пейзажей, который уже целую неделю уговаривал меня продать ему нарисованную мной картину с закатом солнца. Пока я рисовал, он слонялся рядом и каждый раз называл мне свою новую цену. Видимо, он был очень прижимистым человеком и добавлял не больше десяти лир зараз. Мы так и не сошлись в цене. Хотя последний озвученный им вариант оплаты был довольно-таки приемлемым. Вначале я даже хотел согласиться, но потом сказал:

– Я ещё подумаю. Жалко отдавать её за такие гроши.

Видимо, теперь придётся с этой картиной расстаться. Приняв это решение, я оделся в эти новые тряпки и сказал девушке, так и не поднявшейся ещё с постели:

– Я сейчас вернусь. Мне нужно буквально пять минут. Жди.

Мне повезло. Поклонник закатов и восходов, увидев меня на пляже, тут же закричал:

– Так ты продаёшь её мне или нет? Я решил удвоить цену.

Я вынес картину, он отсчитал деньги, и я помчался обратно в бунгало. Вернувшись, тут же повёл девушку обедать. Буквально в двух шагах, почти рядом с нами, располагался прекрасный рыбный ресторан. Туда мы и пошли. Ведь мне не очень хотелось идти куда-то, где есть шведский стол и самообслуживание. Это могло разом изничтожить ту чудесную атмосферу, что окутывала нас.

Я очень хотел сесть с ней за один столик. Ровно напротив

неё. Заглядывать ей в глаза. Держать её тоненькие пальчики в своих больших ручищах. Да и вообще, я хотел, чтобы этот день просто не смел кончаться. Чтобы он продолжался всё время и освещал своим светом как нас, так и всё вокруг нас. И тогда, когда наступит глубокая ночь, всё должно было оставаться точно таким же, как и было сейчас: она и я – глаза в глаза. А ещё я хотел, чтобы и завтра, и послезавтра, и даже потом – все остальные дни, мы не расставались бы друг с другом. Это был бы наш собственный любовный треугольник: я, она и море.

Мы пообедали. Всё было просто замечательно. Сейчас она выглядела настолько прекрасной, что я даже начал сомневаться в том, что я совсем недавно имел наглость быть рядом с ней, прикоснуться к ней, быть в ней. Теперь это начало казаться мне всего лишь плодом моего воспалённого воображения. Вкуса же еды я просто не ощущал. Даже местная родниковая вода, которую я обожал, показалась мне вдруг без вкусной.

Мне бы очень хотелось продолжить тот волшебный обряд по погружению в её тело, который толь ко что закончился. А ещё я думал о том, какими же идиотами были люди, которые придумали байки про то, что человека надо сначала узнать, пообщаться с ним, полюбить и лишь потом пытаться покушаться на его тело. Всё то волшебство, что происходило только что между нами, открывало дверь в удивительный мир, прекрасный в своём совершенстве. И какие тут могут

быть правила, кроме тех, что устанавливаем мы сами. Здесь и сейчас.

Обед прошёл просто замечательно. Я очень надеялся, что мы сразу же вернёмся в бунгало. Мы уже встали из-за стола, когда к нам подошёл очень respectable мужчина. Он поцеловал руку моей спутницы, поинтересовался тем, как она себя чувствует, как устроилась, с кем проводит время. Меня очень удивило то, что когда он спросил о её планах на вечер, она, улыбаясь непонятно чему, сказала:

– А вечером меня здесь уже не будет. Я уезжаю. Друзья пригласили. Побуду пока с ними. Созвонимся.

Мужчина, однако, был очень настойчив. Я всё это время искал ответа на вопрос, кем он может приходиться ей. Варианты типа того, что это очень близкий родственник, сразу же отметались. Уж слишком высока была степень его фамильярности. Именно она и подсказывала ответы, которые мне категорически не нравились. А он, тем временем, как коршун, не переставал кружить вокруг этой голубки.

– Могу подвезти.

– Спасибо. Я на машине.

– Ты так и не познакомила меня с этим художником. Я часто вижу его на пляже и в том ресторанчике, где он подрабатывает. К сожалению, я до сих пор не знаю его имени. Да, и ещё я очень удивлён, что ты разрешила ему заплатить за

свой обед. Ты же у нас такая крутая феминистка, что всегда сама за себя платишь.

– А вот его имени я и сама не знаю. Он рисовал мой портрет. Почти закончил. Вот мы и решили перекусить. Он говорит, что ему достаточно всего полчаса, чтобы портрет был окончательно готов. Как только он его завершит, так сразу же я и уеду. И напрасно ты так за меня беспокоишься. Мои принципы всегда остаются в силе. Буду расплачиваться за портрет, вот тогда и отдам ему деньги за обед. Ведь это я его пригласила. А ты, как всегда, выдумываешь много всего такого, чего нет в действительности. Просто не было у меня налички. Здесь же очень плохо с интернетом. Не сработала карта, вот он и заплатил. Всего доброго. Созвонимся.

Она врала так легко и естественно, что даже я поверил в то, что действительно рисую её портрет. Наверное, такая способность создавать лживые истории из подручного материала заложена во всех женщинах с самого рождения. Но я весь ещё был охвачен желанием продолжить совершенно другие художества. Для них нам не нужны были ни краски, ни холсты, ни мольберт. А от тех узоров, что я вырисовывал на её теле, у меня до сих пор мутилось в голове и захватывало дыхание.

Мне нужна была новая доза этой женщины. И чем быстрее, тем лучше. Куда же она, интересно, собралась уезжать? Мы были уже на пороге ресторана, когда вдруг она произнесла очень странную фразу:

– Не нужно много слов. Только скажи «да» или «нет».

– На что—«да» и на что—«нет»?

– Ну, ты же слышал, что я уезжаю. Ты едешь со мной или нет?

– Конечно же, да. Мне надо только захватить свои холсты и сумку.

– Тогда встречаемся через полчаса. На парковке. Не забудь уволиться. Я найду тебе другую работу.

– Что там за работа у тебя? И вообще, я плохо себе представляю, кем я могу работать вместе с тобой. Ты же прекрасно понимаешь, что вызываешь у меня желания, абсолютно несовместимые со столь скучным словом как работа.

– Я всё объясню по дороге. Иди и собирайся. Знай только одно: на меня всегда можно положиться. Я тебя никогда не подведу. Будь уверен, что, в конце концов, всё будет не хуже, чем было здесь.

На парковке она стояла рядом с каким-то серебристым монстром. Этот «Лексус» сразу же поразил моё воображение. Я даже не удержался от того, что бы присвистнуть. Потом, набравшись наглости, всё же спросил:

– Откуда это?

– Не бойся. Не угоняла. У меня даже есть официальное право на её вождение.

– Это предполагает наличие богатого любовника?

– Если ты хотел оскорбить меня, то тебе это не удалось. Хотя, знаешь, давай-ка найдём по дороге местечко в ка-

кой-нибудь кофейне и спокойно обговорим все нюансы нашего дальнейшего общения. У тебя уже сложился мой законченный образ. При чём выписан он самыми чёрными красками и носит ярко выраженный негативный характер. Ну, скажем так: ты, наверняка, убеждён в том, что я представляю собой нечто среднее между прожжённой шалавой и милой горничной, не совсем стандартно обслуживающей время от времени состоятельных постояльцев. Откуда такое счастье? Всё намного проще.

Мы уехали из этого отеля. Спустя какое-то время она остановилась у небольшой кофейни, и мы про шли внутрь. В ней было относительно пусто. Я заказал себе своё обычное американо, а она, конечно же как и все девушки, остановила свой выбор на латте. Она пила свой кофе и молчала. Молчал и я. Заговорила она только тогда, когда допила. Долго рассматривала дно своей чашечки, потом взяла в руки стакан с водой. Ухитрялась одновременно и пить, и при этом всё время говорить. Почему-то очень часто останавливалась, вздыхала и только потом могла продолжать свой монолог. Очевидно, весь этот разговор давался ей очень и очень нелегко.

– Давай обговорим общие контуры нашего дальнейшего общения. Обещай мне, что не будешь меня прерывать. А я не стану тебя обманывать, рассказывать тебе какие-то сказки и как на духу расскажу о себе всё. Ну, может быть, не совсем

всё, а лишь то, что захочу сейчас сообщить тебе.

– Слушаю.

– С самого начала я должна признаться тебе, что являюсь единственной дочерью весьма состоятельных родителей. Это так, к сведению. Детали здесь важны, но не они определяют суть того, чем мы сможем стать друг для друга. Надеюсь, в наших будущих отношениях, если они, конечно, возникнут, будем важны только мы. И мне абсолютно всё равно, кто твои родители, откуда ты родом и чем зарабатываешь себе на жизнь. Я думаю, что и тебя мои родственники тоже не очень интересуют. Но здесь есть, конечно же, некоторые нюансы. Вот о них ты и дол жен знать.

И тут она в телеграфном стиле выдала мне такое количество невероятной информации, что мне стало очень плохо. Невообразимо плохо. Всё-таки судьба умеет быть очень редкой гадиной. Пока я скрупулёзно подсчитывал, сколько мне нужно средств, чтобы хотя бы пару недель провести вместе с этой чудесной девушкой, она излагала мне такой сценарий наших отношений, в котором мне отводилась весьма неприглядная роль жалкого жиголо.

– Меня всегда беспокоила только одна проблема. Вплоть до нашего сегодняшнего сумасшедшего приключения, я была твёрдо убеждена, что являюсь очень фригидной женщиной. Таков был, в сухом остатке, вывод, сделанный мною после моего неудачного брака и нескольких жалких попыток выстроить с кем-то нормальные отношения. Ты уничтожил

своим появлением весь тот убогий мир, который я выстроила вокруг своей персоны. Свёл на нет все мои застарелые комплексы. Сумел доказать мне, что и я, оказывается, могу получать огромное удовольствие от секса, а не лежать как бревно, всего лишь разрешая делать с собой всё, что угодно моему любовнику. Это стало самым крутым открытием в моей жизни за последние годы. Спасибо тебе за это. Хочу ещё, что бы ты знал некоторые детали.

Я не прерывал её. Ведь я же дал обещание. Но от всего того, что она говорила, мне становилось как-то не по себе. А ещё почему-то мне было страшно от того, что сейчас она может сказать:

– Спасибо. До свидания.

Но, слава богу, этого не произошло.

– Я же поклялась тебе, что буду предельно честной. Так вот, ты думаешь, что наша встреча во время дайвинга была первой? Это не так. Вернее, для тебя, конечно же, это было первое знакомство. Но не для меня. Я начала наблюдать за тобой задолго до того, как мы столкнулись с тобой на этом дурацком дайвинге. Впервые мой интерес к тебе проснулся тогда, когда я увидела, что ты, почти как греческий бог на рассвете дня, стоишь у моря и рисуешь.

Это было лишним. Богам не полагается рисовать. Но ты рисовал. Значит, был обычным земным человеком, а не бо-

гом. Я даже мечтать не могла о том, что я могу вызвать у тебя какие-то чувства и желания. Но мне повезло. А раз я оказалась такой везучей, нам надо как-то суметь разрешить проблему номер один.

– Какую?

– Она заключается в том, что я очень хочу секса с тобой. Ни отношений, ни прогулок под луной, ни походов по музеям и ресторанам. Хочу просто секса. Того сумасшедшего секса, что был у нас в этом ужасном бунгало. Секса без обязательств, без границ и ограничений. И пожалуйста, не надо строить каких-то планов на будущее. Я не желаю ни любви, ни каких-то серьёзных отношений. Просто секс, и больше ничего.

– Нет проблем. Его может быть так много, что ты взбунтуешься. Не испугаешься? Не сбежишь? Не попросишь пощады?

Тут она почему-то начала смеяться и долго не могла остановиться.

– Думаю, что у нас с тобой такая ситуация, когда для каких-то страхов не может быть места. Я знаю, что если я сейчас спрошу, чего ты хочешь взамен, то ты возьмёшь и просто уйдёшь. Пока тебя ко мне привязывает одна-единственная тоненькая ниточка. И сводится она к тому, что ты уже нырнул в меня и, как это ни странно, тебе понравилось. У тебя каникулы до сентября. У меня тоже. Давай проведём эти каникулы вместе. Ни о чём не задумываясь. Ничего не плани-

руя. Никого не желая видеть. Согласен?

– Да.

– Отлично. Двигаемся дальше по моему плану. Проблема номер два заключается в том, что я старше тебя на десять лет и это очень много. Но мы же с то бой не собираемся быть вместе до гробовой доски. Если тебя такая разница в возрасте не отпугивает, то просто кивни.

Я, конечно же, кивнул.

–Наконец, проблема номер три. Я очень небедный человек. Эта машина принадлежит мне. И в моём гараже она отнюдь не самая крутая. Такова реальность. Я не хочу, чтобы мои финансовые возможности давили на тебя. Не хочу играть в игру, где роли распределены по принципу: бедный человек – богатый человек.

Ты должен отпустить себя и начать нормально воспринимать то, что отныне у нас есть одна действительность на двоих. Не попрекай меня моим богатством. И научись воспринимать как должное всё то, что я хочу тебе дать. Не казни себя и не мучайся. Забудь все те неприличные слова, которыми ты сейчас сам себя обзываешь.

– Уже забыл.

– Прими эти новые правила игры, как некий выигрыш или проигрыш в безумной лотерее. Этим ты предельно облегчишь жизнь и мне и себе. А сейчас я хочу поехать с тобой на мою виллу. Это не вилла моих родителей. Она не является собственностью моего бывшего мужа. Это моя собственная

вилла. Правда, доставшаяся мне в наследство от бабушки. Там есть всё для того, чтобы прожить эти два месяца предельно комфортно. Поехали?

—Поехали.

Вот так и получилось, что мы, в конце концов, погрузились в какую-то сказку. Оказывается, что можно жить и так: ни о чём не задумываясь, ничего не планируя и не подсчитывая всё время то, на сколько же дней хватит денег из твоего скудного кошелька. А когда он опустеет, сразу же начать искать работу и браться за любую подработку, от которой тебя будет просто тошнить. Но в силу своего дурацкого характера всё время стараться выполнять её предельно хорошо. В результате приходилось обменивать свою энергию на некое количество денежных знаков, помогающих устранить журчание в желудке и обеспечивающих тебя хоть какой-то одеждой с самого дешёвого рынка.

Все мои проблемы вдруг разом исчезли. Рядом с этой девушкой я ожил. Понял, что в этом мире важны только мы. Она и я. И всё то, что происходит между нами. Здесь и сейчас. А всё остальное казалось в эти уникальные мгновения единения с ней, настолько мелким и обыденным, что просто не вписывалось в нашу чудесную сказку. А значит, это было просто не достойно того, чтобы мы обратили на это внимание.

Но тем не менее, я почему-то время от времени вспоминал ужасную неоновую надпись на одном очень крутом бер-

линском ресторане у реки: «Капитализм убивает любовь». Интересно, а что же сможет убить мою любовь? Я хорошо понимал, что по неволе я попал почти в ту же ситуацию, что была когда-то у моего отца. Он был убеждён, что может любить, не нуждаясь в ответном чувстве. И его отношения не выдержали банальной проверки временем.

Факт, что я полюбил эту девушку до умопомрачения, до безрассудства, до потери сознания, был очевиден. Её отношение ко мне сводилось к тому, что она воспринимала меня как качественную секс машину, сумевшую пробудить её чувственность. У меня в лексиконе не было такого количества нужных слов, что бы выразить весь тот спектр чувств, что вызывало у меня общение с этой уникальной женщиной. Но мне моё место было указано с самого начала:

– Секс и только секс. Ничего более.

Я напоминал себе жалкую дворняжку, которую отмыли, накормили и даже попытались приручить. Но она от этого не перестала быть дворняжкой. Её стесняются, её не показывают членам семьи, не знакомят с друзьями и коллегами. И в любой момент может про звучать хлётская команда:

– Место!

Своё место мне полагалось знать. От этого было больно. Но эта боль была уже постоянной компонентой моего бытия. И несмотря на это, я считал себя счастливым человеком. Счастливым от осознания того факта, что я встретил женщину, о которой можно было только мечтать. И эта мечта

вдруг взяла и обрела плоть и кровь. Стала постоянной компонентой моего существования. Была на расстоянии вытянутой руки, засыпая и просыпаясь рядом со мной в одной постели. Она завтракала, обедала, ужинала вместе со мной. И освещала своим внутренним светом каждый час моего нового дня. Больше всего я боялся того, что однажды я проснусь, а этот мираж просто исчезнет. Растворится в небе. Именно опасаясь этого, я чётко знал своё место. Смирился с ролью живой сексуальной игрушки и ни на что не претендовал.

Мой отец трижды сдавал тест на отцовство. В первый раз он сделал это сразу же после моего рождения. Просто был уверен в том, что красавица, сбегавшая от него практически сразу после рождения ребёнка, пожелала повесить на него свою неожиданную и незапланированную беременность. Но тест всё же подтвердил, что он является моим биологическим отцом.

Он вроде успокоился. Но, тем не менее, всё же добился, чтобы в моей метрике, в разделе «мать», был поставлен прочерк. Я видел немало детей с такими документами; у них был прочерк в графе «отец». Но такой ситуации, как у меня, ни разу не встречал. Биологическая мать, зачавшая, выносившая и родившая ребёнка, всегда указывалась во всех детских свидетельствах о рождении. У меня эта запись отсутствовала.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, отца вызвали в школу и сказали, что меня надо обучать живописи. При этом его уверяли, что такой ярко выраженный талант грех не развивать.

– Мы уверены, что пройдут годы и на нашей школе будет висеть доска, где будет указано, что такой-то замечательный художник когда-то учился в этих стенах.

Я навсегда запомнил те минуты беспредельного гнева моего отца. Он и не скрывал его. Ругался матом, орал на меня, обзывая ублюдком. Тогда мне этот гнев казался беспричинным. Потом я узнал, что моя мать ушла от него к мужчине, который был художником. И мои способности к живописи привели к тому, что у него опять зародились сомнения насчёт своего отцовства. Он и не скрывал, что подумал о том, что может быть я и есть сын того художника. Результаты ДНК вновь оказались неутешительными для него. Они снова подтвердили, что он является моим отцом, а я – его сыном.

Когда я уже закончил школу, мы поехали погостить в Германию к моему дяде, брату отца. Я не знаю, какие споры возникли между ним и его братом, но в результате я опять оказался в генетической лаборатории. И мы вновь выясняли, чей же я сын. Немецкая лаборатория выдала те же результаты. В этот раз отец просто истекал злобой и говорил:

– Ну, вот видишь, есть ещё какие-то сотые доли процента, оставляющие надежду на то, что ты всё-таки не мой сын.

Дядя не разрешил мне вернуться с отцом в Баку. Привёз

меня в Стамбул. Остался на какое-то время рядом со мной. Заставил ходить на самые крутые курсы подготовки к экзаменам. Добился, чтобы я успешно их сдал и стал студентом. Так началась моя новая жизнь. Я был абсолютно один в этом огромном городе и мог рассчитывать только на свои силы. Дядя оставил в моём распоряжении принадлежащую ему небольшую квартиру-студию и какие-то деньги, которых должно было хватить на первый семестр обучения, и уехал.

– Не переживай. Он всегда был таким. Ты же знаешь его характер и должен его понимать лучше всех. Запомни, что любые контакты с твоим отцом рано или поздно перерастут у вас в токсичные отношения. Он способен испортить всё в твоей жизни. Научись жить без него. Помни, что он может предельно отравить тебе всё твоё существование, если ты окажешься рядом. Ты для него останешься вечным упрёком в том, что эта красавица ушла от него.

– А почему она так сделала?

– Ушла же она просто потому, что это был единственный способ сохранить своё «я». Ведь она вышла

замуж за твоего отца, расставшись с любимым человеком. Но тот вернулся к ней. Вернее, хотел вернуться. Трижды до полусмерти был избит твоим отцом. Твоя бабушка лучше всех понимала, что всё это ничем хорошим не закончится. Она явно знала больше, чем мы все. Я помню ту пощёчину, которую она как-то в порыве гнева отвесила твоему отцу.

– Какой же ты мерзавец, сынок. Я то точно знаю, что она

пришла к тебе девственницей. Зачем же ты говоришь про неё все эти гадости?

Я начал припоминать, что действительно, одно упоминание о моей матери было способно вызвать у отца поток отборной брани.

– Не знаю, каким чудом, но именно она убедила твою мать доносить ребёнка, а потом оставить тебя и уйти. Именно на таких условиях твой отец согласился её отпустить. Так вот, зная всё это, держись от него подальше. Он хоть и женился вновь, но сердцем до сих пор всё ещё не отпустил свою первую жену. Хотя тот художник и был другом его детства, он не простил ему того, что всё-таки она осталась с ним. Вот так и сложилось, что не знал ты материнской ласки и воспитала тебя бабушка.

Дядя уехал, а я окунулся в обычные студенческие будни. А ещё я всё время думал над ущербностью своей семьи. У меня была бабушка, которая очень меня любила, но была противником всякого и разного сюсюканья, поцелуев и обнимашек. Говорили, что у неё мужской характер. Был приходящий папа. Но совсем не в том смысле, который обычно вкладывают в это понятие. Появление отца в доме всегда означало, что будут новые, очень дорогие игрушки, фантастические

сладоности и много крика. Поводов для того, чтобы наорать на меня, он не искал. Они всегда были у него. И где-то была мама, которую я никогда в жизни не видел.

Когда я подросток, то понял, что в мире немало людей, у которых складывается такая непростая ситуация: двое друзей влюбляются в одну и ту же девушку. У меня в школе была почти такая же история. Но она закончилась, не успев начаться. Конечно же, та девочка выбрала не меня. Бабушка как-то рассказала мне, что этот художник, мой отец и моя мать дружили втроём со школы. Что с самого начала выбор девушки пал не на моего отца. А потом моя будущая мать стала невестой того художника. Внезапно она столкнулась с некой ситуацией и восприняла её как измену.

Примчалась к моему отцу, чтобы поделиться своей бедой и попытаться что-то выяснить. В результате, даже толком не осознавая, как, зачем и почему, она через очень короткое время стала его женой. Всё это время он выводил её из депрессии, гладил по голове, утешал и помогал разрешать все её проблемы. Он всегда именовал себя настоящим мужчиной. А у настоящего мужчины и на войне, и на любовном фронте все средства хороши. Наконец-таки он почувствовал себя победителем. Ненадолго. Художник вернулся и всё-таки увёл его жену.

У отца было множество принципов, которые он называл «кодексом чести настоящего мужчины». Мне всегда казалось, что это были порой совершенно не сочетаемые друг с другом понятия и установки. Эти его откровения часто провозглашались у нас дома, как истины в последней инстанции. Исключительно для меня. Причём начиная с моего дет-

садовского возраста.

Основной отцовский урок состоял в том, чтобы объяснить мне простую истину: у настоящего мужчины чувство мужества просто в крови. Именно поэтому он не ведает страха, никогда не плачет, никому не жалуется. А ещё он не хнычет, никогда не грустит и не болеет. Я же болел, всё время хныкал, меня избивали в школе, и я постоянно жаловался бабушке.

Я чётко запомнил каждую фразу из этого отцовского кодекса. И прекрасно осознавал, что мне всё это не подходит. Сам же отец почему-то сразу понял, что из меня никогда не получится настоящего мужчины. Так вот и сложилось в конечном счёте, что мы оба были разочарованы в друг друга.

Я прекрасно понимал, что в конечном счёте как сын я не оправдал его надежд. Прежде всего потому, что я даже не смог вернуть ему ту, что ушла от него. Ему всегда казалось, что это должно непременно произойти. Ведь он же был так уверен в том, что она не сможет жить без меня. А значит, рано или поздно вернётся к нему. Не сможет бросить меня. Но она не вернулась.

Мне оставалось лишь свыкнуться с тем, что я дважды брошенный ребёнок. Меня бросила мать и ушла строить свою жизнь с тем, кого она любила. Видимо, любила больше, чем меня. От меня отвернулся отец, сочтя меня самым недостойным представителем мужского рода. По его мнению, я никогда не смогу стать его истинным сыном. Прежде всего пото-

му, что во мне так мало того, что составляет суть настоящего мужчины.

– Для тебя во всех отношениях на первом месте стоит не твоё «я», а какие-то непонятные принципы. Так не должно быть у настоящего мужчины.

В устах отца это звучало как приговор. Он был абсолютно уверен в том, что эго мужчины должно довлеть надо всем. Быть превыше всего. И не только женщины, но и все остальные люди в окружении настоящего мужчины должны воспринимать это как норму. Мне же все эти принципы и кодексы казались жалкой мурой.

Жизнь ведь такая разная и всякая. Разве мы в состоянии уложить её в это чёртово прокрустово ложе чьих-то представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо? Но несмотря на всю мою браваду, я всё же чувствовал свою ущербность от того, что не соответствую стандартам настоящего мужчины. И то, что я случайно стал всё же некой разновидностью жиголо при богатой мадмуазели, ещё раз доказывает, что на стоящего мужчины из меня так и не получилось

Лето кончилось, я вернулся в Стамбул и продолжил учёбу. Брал разные подработки, чтобы обеспечить себе достойное существование, заработать деньги на краски и холсты. Но в моей студенческой жизни появились новые обстоятель-

ства. Та девушка с дайвинга стала неотъемлемой частью моего существования. Достаточно сказать, что рано утром она привозила меня на занятия, а днём – забирала с лекций.

Мы где-то обедали. А потом приходили в мою студию. Я рисовал, а она, как всегда, копалась в своём ноуте. По каким-то деталям её поведения мне становилось ясно, пишет ли она новую книгу, готовится ли к очередной лекции или просто читает только что появившийся любовный роман. Но иногда я ошибался и мог, вместо чисто женского чтения, обнаружить какую-то монографию с заумным названием. Обычно ближе к вечеру мы шли куда-то ужинать. И, как правило, уже после ужина отправлялись в её квартиру. Словом, мы начали жить вместе, как настоящая пара.

Единственное, что добавилось в ту фантастическую гамму невероятных эмоций, что я испытывал по отношению к ней, было моё беспредельное чувство ревности. На вилле всё было не так. Ведь мы жили там вдвоём, совершенно изолированные от окружающего мира. И ревновать было не к кому. Здесь же, в Стамбуле, моя ревность просто убивала меня. Я никак не мог поверить в то, что такая красивая, умная и образованная женщина может вдруг ограничить практически весь свой досуг лишь общением со мной.

Иногда я сбегал с лекций и пытался следить за ней. Подключался к её почте. Читал сообщения в её телефоне. Я всё искал какого-то супер-пупер мужчину, который действительно был бы очень важен для неё. И был уверен, что лишь

его временное отсутствие в её жизни вынуждает её довольствоваться неким суррогатом в моём лице. Мои поиски ничего не дали. А по том у нас состоялся очень тяжёлый разговор. У неё была настоящая истерика, связанная со всеми моими подозрениями. Мне с трудом удалось её успокоить. Но я всё же нашёл выход из этой ситуации. Мой друг айтишник объяснил мне, что в том университете, где она работает, установлено очень много камер и при желании он может сделать так, что я смогу видеть весь её рабочий день на моём экране. Теперь моя ревность длилась ровно тридцать минут. Это было время, которое она проводила в дороге. Ведь только оно отделяло нас друг от друга в течение дня. Стало нормой то, что она выезжала из своего университета и забирала меня ровно через полчаса после окончания своих занятий.

Эта видеослежка очень многое дала мне. Я не только успокоился. Ещё сумел открыть для себя новые грани таланта моей женщины. Умом я понимал, что просто невозможно ещё больше влюбиться в неё. Но вопреки всем доводам разума, это и происходило со мной. Постоянно и беспрерывно. У нас была огромная разница в статусе: я был студентом, а она педагогом. Она была богата, я был беден. Я её любил, а она меня использовала как секс-игрушку. Радовался я лишь тому, что она преподавала не в моём университете.

То, что она, конечно же, была педагогом от бога, я выяснил сразу же. Каждый раз, когда мне удавалось тайком попа-

дать на её занятия, её лекции представлялись мне каким-то шедевром красноречия и эрудиции. Я их записывал. И до сих пор храню всё это на жёстких дисках. И просматривая все эти материалы, я всё пытаюсь понять одну простую вещь. Чего же во мне было больше в те годы: любви или ревности?

Она не была моим преподавателем, но сумела стать самым лучшим учителем для меня. Как-то раз, после нашей близости, она вдруг произнесла очень странные слова:

– Небо взорвалось, и звёзды падают на меня, как дождь. Красиво ведь? Хотя немножко пафосно. Я знаю, что это неправда, но иногда мне кажется, что истина всегда соткана из вот таких парадоксальных признаний.

– А при чём здесь истина?

– Всё очень просто. Именно соприкосновение с чужим телом даёт возможность испытать и понять свою сексуальность. А без понимания сути своей сексуальности человек не в состоянии постигнуть истину.

– Ты это сейчас придумала?

– Нет. Ты забываешь, что я психиатр. И порой, даже сама не отдавая себе отчёта, просто цитирую. Цитирую всё то, что знаю о сексе, мастурбации, из вращении, групповом сексе...

– И ты всё это перепробовала?

– Нет. Почему-то не хотелось. А сейчас тем более не хочется. У меня же есть ты.

От таких признаний у меня сносило крышу. Неужели она всё же не совсем равнодушна ко мне? Но уже в следующую

минуту я получал свой щелчок по носу. Её комментарии по поводу нашей сексуальной активности ещё раз подтверждали то, что чувств нет. Есть просто секс.

А ещё она почему-то вбила себе в голову, что я художник от бога. Внушала мне, что это так, а я сам просто такой идиот, что этого не понимаю. Вот чего же именно я не понимаю, она пыталась мне разъяснить.

– Ты малообразован. И живёшь в мире, где господствует банальный реализм. Тебя надо подучить.

Согласно каким-то принятым ею решениям, ко мне стали приходить очень скучные люди. Читали мне историю искусств. Совершенно не так, как это делали педагоги в моём университете. Объясняли, каким образом сегодняшняя реклама использует старинные произведения живописи. Наряду с этим, со мной по каким-то особым программам занимались английским. Я всегда считал, что он у меня вполне нормальный. Но она почему-то не соглашалась с этим. В результате мы целое лето провели в каком-то забытом богом и людьми небольшом английском городишке. Занятия языком там продолжались почти десять часов в день.

Я приходил в нашу съёмную квартиру почти без сил. Выжатый как лимон. Но она каким-то чудом, уме ла превращать меня за считанные минуты в источник неисчерпаемой энергии. В итоге мы набрасывались друг на друга, как два маньяка. Уже потом где-то что-то ели и продумывали наши планы на уикенд. Мы ухитрились с ней объездить все окрестности

этого городка на каком-то очень смешном автомобиле, вмещающем всего двух человек. Ещё раз убедились в том, насколько ужасна английская кухня во всех её нюансах и подробностях. Ухитрились съесть за эти два месяца огромное количество фастфуда и не располнеть.

Но в памяти навсегда осталось не это. Мне за помнилось лишь то, с какой жадой и страстью мы всё время в то лето занимались сексом. Предлоги для этого мы выдумывали разные и всякие. То нам было холодно, и мы хотели согреться. То за окном шёл дождь и навевал такую грусть, что только секс мог стать прекрасным лекарством от всей этой мути. То нам было просто скучно, хотелось ярких эмоций, и только секс был способен их нам подарить. Словом, причин и поводов было более чем достаточно. Секс был нашим спасением, нашим досугом, нашей наградой... А ещё он дарил нам веру в то, что он поможет нам не потерять друг друга. И не умереть от тоски в этой унылой английской действительности.

Пока я был на занятиях, она тоже посещала какие-то странные курсы, которые якобы должны были помочь ей избавиться от американского акцента и привить ей то ли кембриджское, то ли оксфордское произношение. Все эти её желания придать блеск своему английскому вызывали у меня гомерический хохот и были предметом моих постоянных шуток над ней. Она слабо отбивалась от всего этого. У неё был железный аргумент:

– У каждого из нас свои слабости. Прости и по старайся

понять.

Мы вернулись в Стамбул. Мой английский стал почти безупречным. Но тем не менее, в течение всего учебного года она меня продолжала учить и воспитывать. Просвещала. Пыталась расширить горизонты моего восприятия мира. Возила меня в Венецию, Париж, Рим... Спонтанно. Могла в пятницу просто за брать меня с занятий и сразу направиться в аэропорт. Ближайший рейс и определял город, в который мы отправлялись.

Вот так налегке, с одной дамской сумочкой в её руках и рюкзаком, болтающимся за моей спиной, мы могли провести пару дней, созерцая картины в самых знаменитых музеях мира, кормя голубей на площадях и удивляя администраторов отелей тем, что у их постояльцев вообще нет никакого багажа, а все необходимые им мелочи они покупают в ближайшей лавке или же заказывают по интернету.

Она была настолько приятным в общении человеком, что рядом с ней я впервые в жизни почувствовал всю лёгкость бытия. Я был самим собой, и это было прекрасно. Она, в свою очередь, принимала меня таким, какой я есть. Мне она казалась посланницей небес, предназначенной вознаградить меня за то, что я был лишён с самого рождения материнской ласки и отцовской любви. Она сумела стать для меня всем. Я же стал просто её тенью.

А ещё человеком, который был безумно счастлив. Здесь и сейчас. Меня удивляло то, что она всё время покупала кни-

ги. Делала она это не только в Стамбуле, но и практически во всех наших европейских вылазках. Я никогда не мог понять её привязанности к бумажным книгам. Мне гораздо проще было находить информацию в интернете. Но постепенно она смогла заразить меня этой своей страстью. В моей студии появились полки, на которых лежало множество художественных альбомов. Иногда мы устраивались на моём крошечном диванчике и листали вдвоём всё это новообретённое богатство. Хотя мне гораздо больше нравилось выводить всё это буйство красок на экран.

У неё было фантастическое свойство преобразовать любую поступающую в её мозг информацию в какое-то собственное понимание многих явлений и фактов. Вдруг она могла после бурного секса прочитать мне какое-то стихотворение Назима Хикмета о девушке, погибшей в Хиросиме. И тут же начать сокрушаться о том, что одно из лучших полотен Ван Гога с подсолнухами погибло в Японии в результате бомбёжек во время Второй мировой войны.

После этих её импровизаций и откровений я набрасывался на неё как голодный волк. Казалось, я уже подсел на эту иглу и мои сексуальные аппетиты должны были притупиться. Но этого не происходило. Мне казалось, что только занимаясь с ней сексом, я чувствую себя по-настоящему живым.

Для неё, с её космополитическим окружением, не было ничего невозможного в мире искусства. Она открыто смеялась над попытками тех, кто пытался всучить миру некий

суррогат под видом настоящего искусства. А все эти работы, анализирующие современные течения в искусстве, она считала жалкими потугами искусствоведов понять то, что изначально им понять не дано.

Благодаря ей я познакомился с Энди Уорхолом. Понял, в чём заключается суть шелкографии и даже освоил эту технику. Я научился понимать современное искусство. Она долго и нудно пыталась мне объяснить, что все эти разговоры о том, что каждый человек рождается художником, являются просто бредом сивой кобылы. Она много смеялась над всем тем, что называла псевдоискусством, и была убеждена в том, что все эти бесконечные игры в инсталляции – просто напрасная трата времени. Благодаря ей я на чал понимать суть постмодернизма.

– Миссия художника не всегда сводится к тому, что он хочет отразить на холсте. В современном мире иногда художник вынужден брать на себя некие социальные функции. Именно поэтому он и выступает, порой, как шаман, целитель, врач и учитель. А порой воплощает всё это в одном лице.

Я выслушивал все эти её парадоксальные высказывания без всяких комментариев. Если и не смеялся ей в лицо, то про себя думал, что, как мне говорили в детстве, «мухи должны быть отдельно, а варенье отдельно». Но, независимо от того, что я думал, в конце концов, все эти буквально впихнутые в меня новые знания начали видоизменять мою жи-

вопись. Это было очень странно и необычно. Мне казалось, что я теряю опору. Я начал писать абсолютно новые вещи, а их никто не понимал. Мои педагоги кривили свои лица и просто никак это не комментировали. Друзья же называли всё это отстоем.

Именно в этот момент она и провела мою выставку в одной из лучших галерей Стамбула. Её неожиданный успех принёс мне определённую известность. Отныне в мире искусства я начинал становиться узнаваемым человеком. Всё это было столь необычно для меня, что вначале я хотел убежать и спрятаться от всего этого. Но она не позволила мне это сделать.

А потом наступил тот самый день, когда мы с ней сразу же после обеда поехали в ту самую галерею, где висели мои картины. И прямо с порога нас ошарашило чьё-то бурное негодование:

– Ну, наконец-то! А я то подумал, что вы уже и не объявитесь здесь сегодня.

Этот странный человек представился. Он оказался известным галеристом. И говорил совершенно невероятные вещи. Предлагал заключить контракт. Согласно его условиям, я, в течение пяти лет, должен был работать только с ним. Но моя спутница почему-то тут же перебила его:

– Контракт возможен только на год. А там посмотрим. В зависимости от того, каковы будут успехи за этот период, мы решим вопрос, будем ли продлевать его именно с вами. Мо-

жет быть, всё же сменим вас на другого галериста. А ещё мы имеем право пере смотреть представленные вами условия. Оставьте мне свои координаты, и я пошлю вам юриста. Со- звонимся. И как только всё будет одобрено, мы подпишем контракт с вами.

Всё было решено. Мне оставалось лишь соглашаться, улы- баться и просто кивать в знак одобрения того, что происхо- дило в этой галерее. Но работа с галеристом диктовала мне абсолютно новые правила. Как в жизни, так и в творчестве. Я им подчинился. И результата долго ждать не пришлось.

Она вела какой-то очень странный спецкурс. Он был весь- ма востребованным. Но меня не покидало ощущение того, что к ней, помимо медиков, приходило немало извращен- цев, просто желающих потешить своё эго дополнительной информацией. И удивлять потом ею своих цыпочек. Её лек- ции были просто фантастическими экскурсами в историю психиатрии. Ну и одновременно они являлись своеобразны- ми путешествиями в такие области человеческого знания, которые были очень далеки от медицины.

Очередную свою лекцию она могла начать с того, что гро- могласно объявляла:

– В начале двадцатого века нигде в мире не было принято говорить о женском оргазме.

Помню, что это вызвало в аудитории взрыв смеха и кучу

дурацких вопросов типа:

– Может быть, его тогда и не было?!!

– Кто знает, а может быть, у тех зажатых, лице мерных, одетых во всё чёрное страшных женщин и не было потребности в оргазме?

– А вы не предполагаете, что религия могла ограничивать их сексуальную жизнь?

Но она абсолютно не обращала внимания на весь этот бред. И продолжала гнуть свою линию. Я же затаился в этой аудитории, надвинув капюшон своей кофты до самых бровей, и думал о том, как же можно говорить о чём-то, существование чего напрочь отрицается всеми. Даже в современном обществе. Ведь порой у нас нормой считается то, что женщина изначально вообще асексуальна. Её предназначение заключается лишь в том, чтобы обеспечить продолжение рода.

А дальше она говорила о том, что ведь очень многие пребывают в плену таких представлений, что кухня, религия и дети определяли, определяют и будут всегда определять круг интересов любой женщины. И почти сто процентов прекрасной половины человечества подпадают под такую трактовку своей роли в обществе. Феминизм, обещая женщинам какую-то иллюзию свободы, привёл в конечном итоге лишь к тому, что нередко на плечи женщины ложится гораздо больше, чем просто забота о муже, детях, доме. Ведь если она решает завести семью, то порой именно она не просто их кор-

мит, одевает, обслуживает, но и со держит их всех, включая мужа.

А потом она заговорила о том, что занимающая главенствующие позиции в любом обществе ханжеская мораль всегда предполагала, что порядочная женщина терпит мужчину в своей постели лишь потому, что ей обязательно надо забеременеть и обеспечить продолжение рода. Удовольствие же ему должны были доставлять лишь те, кто не входил в круг порядочных женщин. Таковы были правила игры. И всех они устраивали. И мужчин, и женщин. Но были ещё те, кто не смирился и не смог принять эти правила. Их официальная медицина именовала истеричками. И никто не задавался вопросом о том, а почему они становились такими? Ответ же был прост. И он был выявлен самым гениальным психиатром всех времён и народов ещё в начале прошлого века. В действительности всё оказалось очень и очень просто. Этот психиатр утверждал, что вся эта истерия является следствием их сексуальной неудовлетворённости.

А потом она вдруг заговорила о двух неординарных личностях, живших в Вене в начале двадцатого века. Утверждала, что один из них был художником, а другой – врачом. Они встречались в разных салонах, на приёмах, могли раскланяться друг с другом на улице. Но никогда тесно не общались. Основным их занятием являлось погружение в весьма сложный процесс изучения столь сложного феномена, как женщины. Не матери, не дочери, не жены, а просто «Жен-

щины». Они пытались снять с женщин все покровы, мешающие ей быть такой, какая она есть. Тот из них, кто был художником, делал это буквально. Он обожал совращать женщин. Срывать, в порыве страсти, с них все одежды и делать так, что каждая его избранница ощущала себя рядом с ним просто богиней.

– Я не буду произносить имя этого художника. Надеюсь, что вы сами это быстро можете установить. Я дала вам достаточно информации. А теперь хочу лишь добавить, что этот великий мастер умел не только раздевать, но и одевать своих женщин. Уже на своих полотнах. В золото, серебро, в яркие краски. То есть во всё то, что позволяло им блистать, поражая людские взоры. О его любовных подвигах ходили легенды. Его семья принимали в себя леди из высшего света, шлюхи полусвета и простолюдинки, выделяющиеся из общей массы своей красотой и статью. В результате он хвастался тем, что хоть никогда и не был женат, но является отцом сорока детей. Женщины страстно отдавались ему и были готовы часами позировать ему бесплатно. Полотна же, на которые они, в конце концов, попадали стоили миллионы.

Потом она начала демонстрировать на экране работы этого художника. Аудитория никак не реагировала. Похоже, что все эти полотна никому из них не были известны. И тогда я выкрикнул:

– Климт.

– Кто это сказал? Встаньте!

Конечно же, я не встал.

– Ну, что же оставайтесь нашим тайным экспертом. В отличие от Климта, этому венскому врачу, безусловно, в самом страшном сне не могло присниться, что в мире может найтись человек публично хвастающийся огромным количеством побед на любовном фронте. Клятва Гиппократа для него всегда была превыше любых его желаний. Тем не менее, он тоже хотел, чтобы женщины испытывали наслаждение. Не обязательно в его постели и не обязательно с ним. Он всё же был жёстким консерватором, преданным самым строгим нормам морали. А ещё он любил свою жену. Хранил ей верность. Но при этом, как врач, он был уверен, что для женского здоровья необходимо вскрыть все причины женских страхов, скрытых и явных фобий, преодолеть стереотипы и перешагнуть через ханжество. Все его теории были направлены на то, чтобы превратить женщину из сосуда, который предназначен исключительно для воспроизводства потомства, в маленькое сексуальное чудо, способное наслаждаться и дарить наслаждение.

Тут она замолчала и вновь задала вопрос:

– Теперь позвольте вас спросить о том, как же звали этого знаменитого врача?

В этот момент, всё же, в аудитории нашлась пара лично-

стей, которые стали выкрикивать свой ответ:

– Фрейд! Фрейд! Фрейд!

– Эти двое мужчин смогли обессмертить своё имя, благодаря женщинам. Их творчество оказалось предельно востребованным в шестидесятые годы двадцатого века. Произошло это в разгар сексуальной революции. Но им не суждено было увидеть свой триумф. По какой-то необъяснимой иронии судьбы, внук этого врача тоже стал художником и прославился своими удивительными портретами обнажённых женщин.

А ещё мне запомнилась лекция, в которой она говорила о женских архетипах. Она перечисляла их и говорила, что и мужчины, и женщины совершают огромное количество ошибок именно в силу того, что не могут понять суть того женского начала, которое заложено в их избранницах самой природой. Я не переставал удивляться тому, что она демонстрировала на своих лекциях всё новые и новые полотна абсолютно не известных мне художников. Эти изображения на экране поражали. Они удивляли. Порой шокировали. Это было совсем не то гляцевое искусство, которое обычно именуется живописью. К сожалению, наши педагоги никогда в своих лекциях не касались тех фантастических работ, о которых она так любила говорить. Но больше всего меня удивляла её трактовка этих полотен с позиций психиатрии.

Счастье способно усыпить человека. Счастливый человек

теряет бдительность, не чувствует опасности и ничего не боится. Поэтому беда всегда застаёт его врасплох. Вначале я получил эсэмэску: «Мне надо срочно уехать. Говорить пока не могу. Не беспокойся. У меня всё хорошо. Попозже напишу».

Я пытался всё же дозвониться. Написать. Всё было тщетно. Я ничего не понял. Разве что осознал необходимость того, что надо набраться терпения и подождать. Но я не мог просто так сидеть и ждать. Я отправился к ней на квартиру. У меня же были свои ключи. Здесь же создавалось ощущение того, что буквально через минуту она вновь войдёт в эту дверь и всё опять станет таким же каким было всегда. До этой дурацкой эсэмэски. Всё было на своих местах. Настораживал лишь абсолютно пустой холодильник. В университете же меня ошарашили новостью о том, что она здесь больше не работает.

Мне оставалось лишь ждать. И длилось это ожидание долгих три месяца. Только тогда я получил первую весточку. Если бы не то обстоятельство, что именно в это время я оканчивал университет и был обязан практически каждый день появляться там, то я бы, конечно, сошёл с ума. И ещё меня изводил мой галерист. Он набрал для меня уйму заказов, и я работал как проклятый.

А потом мне на почту пришло письмо. Оно было просто ошеломляющим.

«Здравствуй, мой дорогой, мой золотой “мальчик”. Не

обижайся на слово “мальчик”. Просто я всегда про себя так тебя называю. Будь счастлив. Живи долго. И пусть вся твоя жизнь будет достойна тебя. Из всех людей, живущих на этой бренной земле, я, наверное, лучше всех знаю то, что ты достоин счастья. Большого и настоящего. Я никогда не встречала кого-то, в ком чистота, доброта и искренность всех помыслов были настолько естественны, что казались просто визитной карточкой истинного мужчины.

Но как бы долго ты ни жил, рано или поздно все мы покидаем этот мир. И в момент, когда ты будешь стоять у врат рая и тебя спросят, что же такого замечательного ты сделал в этой жизни, что заслуживаешь того, чтобы попасть именно сюда, я хочу, что бы ты сказал:

– Вы знаете, ведь я тот самый совершенный во всём мужчина, который помог одной несчастной женщине вернуть своё женское “я”. Я помог ей осуществить три самых заветных её желания.

Первым из них было стремление найти такого мужчину, в котором ей хотелось бы раствориться без остатка и испытать такое наслаждение, что можно было бы после этого умереть, сказав:

–Я знаю, что я была в раю.

Второе её желание заключалось в том, что она хотела стать матерью. Диагноз бесплодия висел над ней почти десять лет, и не было у неё надежды на то, что когда-нибудь она сможет родить. Благодаря мне она это сделала. Хотя и скрыла всё это

от меня. И, наконец, у неё была мечта о том, чтобы встретить в этом мире родственную душу и перестать чувствовать себя одинокой, несчастной, все ми забытой и брошенной женщиной. Благодаря мне всё это осуществилось.

Я точно знаю, что ты всё же так и не произнесёшь ни одного из этих слов. Очень жаль. А ещё я хочу сказать, что никогда не признавалась тебе в любви. Но я любила тебя той самой страстной, безграничной, почти сумасшедшей любовью, которая сжигает человека дотла. Поверь мне, как специалисту, что это было чистой воды безумие.

Но в ту нашу первую встречу ты с очаровательной улыбкой сказал мне:

– Конечно же, наш роман не может быть сюжетом для слезливой мелодрамы или красивой легендой. Это всего лишь секс. Меня разбирает смех от одной лишь мысли о том, что Ромео и Джульетта думают о безопасном сексе и пользуются презервативами.

Всё правильно. Но, в конце концов, я хочу посту пить очень и очень неправильно. И объявляя тебе о конце наших отношений, всё же должна признаться тебе в том, что люблю тебя. Береги себя. Не ищи меня.

Это бесполезно. Наши отношения так или иначе должны были завершиться.

“И жили они долго и счастливо” – это не про нас. Будь счастлив. Забудь меня. Но помни, что я тебя не забуду никогда».

Я всегда был хорошим мальчиком! Очень правильным и послушным. Поэтому я не искал её, не ковырялся в своей кровавой ране пальчиком, даже не плакался никому в жилетку. Я просто жил бледной тенью самого себя. Пытался выдавить из себя всё то, что когда-то питало мою любовь. Пока я всем этим занимался, чуть не умер. Я не выходил из своей студии. Время от времени заказывал доставку еды домой. Не подходил к мольберту. Просто валялся на своём диване и пытался понять, как же мне жить дальше. Решение навсегда оставить живопись пришло как-то спонтанно. Но было окончательным и бесповоротным.

А потом приехал дядя. Консьерж дома сообщил ему, что очень обеспокоен тем, что я уже целый месяц сижу взаперти. Он заставил меня одеться, собрать свои вещи, и мы вместе с ним зачем-то поехали во Флоренцию.

– Я привёз тебя сюда потому, что это самый удивительный город в мире. Им можно восхищаться, восторгаться, поражаться всему тому, что здесь есть, но чужаку полюбить его нельзя. Это же не Венеция. Я хочу, чтобы ты в этом городе понял три очень важные вещи. Прежде всего это, конечно, что именно здесь можно сполна осознать суть той революции, которая

обеспечила поразительный переход живописи с дерева на холст. Я уверен, что тебе надо в эту знаменитую галерею хо-

дить до тех пор, пока ты не постигнешь эту тайну. Вторая вещь абсолютно не связана с искусством. Все знают, что флорентийцы ненавидят пизанцев, а пизанцы ненавидят флорентийцев. Причин этого никто не знает. Попробуй ответить на этот непростой вопрос. А потом напишешь мне об этом. Если, конечно, хоть что-то поймёшь.

– А тебе-то это зачем?

– Значит, ты всё-таки слушаешь меня? Насчёт пизанцев я, конечно же, пошутил. Этого никто не знает и никогда не сможет узнать. Тебе остаётся лишь принять как факт, что флорентийцы, живя на берегу реки, ненавидят воду и терпеть не могут рыбу. Радуйся тому, что они такие же мясоеды, как и ты.

Я слушал его в полуха. Мы сидели на огромной площади, где когда-то располагалось еврейское гетто. Рекламная растяжка на колоннах приглашала всех на выставку, посвящённую восточному путешествию Николая Второго. Как только я захотел что-то сказать, дядя меня перебил:

– Я был уже на этой выставке. И почему-то уверен, что ты и туда будешь ходить каждый божий день. Я тебя сюда привёз в основном для этого. Я уверен, что эта экспозиция способна открыть тебе новые горизонты. Сейчас ты ни от кого не зависишь. Твой галерист оказался очень хорошим знатоком своего дела. И у тебя на счету есть немалая сумма, которой тебе должно хватить на достаточно долгое время. Ну, конечно, если ты не будешь играть в казино и не подсядешь на

наркотики. Делай всё, что хочешь. Но не смей возвращаться в Стамбул. Видимо, там тебе когда-то было очень хорошо, а потом стало очень плохо. Не возвращайся, пока не излечишься.

Я пошёл на эту выставку. Русские историки очень любят писать о путешествии Петра Великого в Европу. А вот это путешествие царевича Николая в возрасте двадцати двух лет на Восток почему-то не является у них столь популярной темой. Я чётко расчертил весь этот маршрут. И решил проехать по нему. Не пользоваться самолётами, не стараться как-то облегчить себе все тяготы этого путешествия, а провести его так, как это было сделано много лет тому назад моим великим предшественником.

Пока я готовился к этому путешествию, ходил на эту выставку действительно каждый день. Там я впервые увидел вместе все три работы Малевича: «Чёрный квадрат», «Чёрный круг» и «Чёрный крест». Все знают о «Чёрном квадрате». Но мало кто подозревает, что это было задумано как триптих, состоящий из квадрата, круга и креста. Здесь всё было непросто. Все думают, что эти работы существуют в единственном экземпляре. Но Малевич, как великий мистификатор, писал их не раз. Притом в разные годы и не всегда указывал точную дату. Это, кажется, называется сознательной фальсификацией.

Представленные здесь произведения искусства, так или иначе связанные с этой поездкой царевича, представляли со-

бой фантастическую смесь примитивного и классического искусства с авангардом. Мои ежедневные походы на эту выставку завершились тем, что со мной захотел побеседовать куратор этой выставки. Мы увиделись. Не наговорившись досыта в самом музее, мы продолжили нашу беседу за обедом.

– Если бы мы захотели выставить даже малую часть тех предметов искусства, что приобрёл царевич во время своего путешествия, нам явно не хватило бы пространства, чтобы их продемонстрировать. Но у нас не было такой цели. Мы всего лишь планировали раскрыть всё то многообразие культур, с которым пришлось столкнуться будущему царю. Ну и, конечно же, мы оставили вне внимания вы ставки всё то, что было связано с Японией и с тем знаменитым покушением.

– Каким покушением?

– А разве вы не знаете, что цесаревича пытались убить в Японии? Самым удивительным в этом было то, что на него напал полицейский. И даже сумел проломить ему голову. А рядом было два принца. Один греческий, а другой японский. Его фактически спас этот греческий принц. Арестованный же убийца всё время выкрикивал одну-единственную фразу:

– Я самурай.

– А что, он действительно был самураем?

– Да. Его приговорили к пожизненному заключению, но он очень быстро умер в тюрьме. Причины же его покушения на будущего царя так и остались, по существу, нераскрытыми.

Этот куратор мне очень помог. Благодаря ему мне удалось ознакомиться с многими материалами этого путешествия. Я долго готовился к нему. Но всё же не уложился в те девять месяцев, что оказались достаточными для моего венценосного предшественника. За время своего путешествия я прочитал очень многое об этом последнем царе. Вся его жизнь ещё раз доказывала даже таким далёким от политики и религии людям, как я, что этот великий человек по праву был приобщён к лику святых.

Начал я свой путь в Петербурге. И был настолько очарован этим городом, что никак не мог расстаться с ним. Потом я доехал до Триеста и сел на корабль. После Египта я остался один на один с океаном. Именно тогда я впервые в жизни почувствовал, что такое зыбкость бытия. Пройдя Индию, Цейлон и Китай, я настолько пресытился красотами природы и архитектурными шедеврами, что просто перестал их замечать.

А ещё я сделал себе татуировку. Точно такую же, как когда-то была у царевича. В том же самом городе. Говорят, что

над его драконом работали больше семи часов. Но технологии всё время совершенствуются. У моего мастера на всё это ушло всего лишь три часа. Моё путешествие почти вылечило меня. Это я осознал тогда, когда вновь оказался в Петербурге.

В конце концов, я стал успешен и многого достиг в этой жизни. Женился. Стал отцом двух очаровательных девочек. Казалось, что всё просто замечательно. Но все эти годы я ждал момента, когда судьба всё же осуществит свой контрольный выстрел в голову.

И вот в один прекрасный день это произошло. Это было во Франкфурте. Огромный аэропорт, где всегда легко можно потеряться и так сложно кого-нибудь найти. Я с женой и девочками сижу в бизнес лаунже «Люфтганзы». Вдруг ко мне подходит мальчик лет десяти. Эта моя маленькая копия протягивает мне посадочный талон.

– Это вы потеряли! Я сам видел, как это выпало из вашего кармана. А без этого вас не пустят на посадку.

– Да, спасибо.

– Надо же, оказывается, у нас с вами одинаковые имена.

А потом к нам подлетает какой-то мужчина, хватая малыша за руку и говорит:

– Ну так же нельзя. Мы ведь опоздаем на самолёт. Извините, пожалуйста. Не понимаю, почему он вдруг вырвался

из рук и побежал за вами.

Они уходят. А у стойки авиакомпании их дожидается она. Смотрит на меня. Но я не вижу в её глазах узнавания. Ещё бы. Она всегда была хорошей актрисой. Она всё такая же красивая, как и много лет тому назад. Ведь над такими, как она, время не властно. Это оно у них в плену. Точно так же, как и я. Плен этот бессрочный, и освобождение получить невозможно в принципе.

Все вокруг суетятся. Жена с девочками возвращается с какой-то снедью, и мы все усаживаемся за стол. Нам предстоит провести здесь ещё долгих три часа. Я всё же подхожу к администратору и спрашиваю о том, куда же полетели эти три пассажира. Ответ вполне ожидаем. И сводится он к тому, что такого рода информацию они никому не дают. Естественно. Да и за чем она мне?

Уже ничего не вернуть. И не исправить. Жиголо сделал своё дело, и теперь он уже никому не нужен. Просто не востребован. Можно его утилизировать, не дожидаясь завершения срока годности. И опять мне в голову приходит дурацкая мысль, что если бы я был настоящим мужчиной, со мной бы так не поступили. Но кто его знает. Ведь статус настоящего мужчины не сделал же моего отца счастливым человеком. А в моей жизни всё же было время, когда я был очень и очень счастлив.

Я любил, считая свою любовь безответной. Но потом выяснилось, что она была взаимной. В те дни в моей жизни бы-

ло много секса. Просто сумасшедшего секса. Такого у меня больше никогда и не было. Его невозможно повторить, но можно запомнить на всю оставшуюся жизнь. А ещё, хоть и очень поздно, я понял, что мы всё-таки не просто занимались сек сом. Мы любили друг друга.